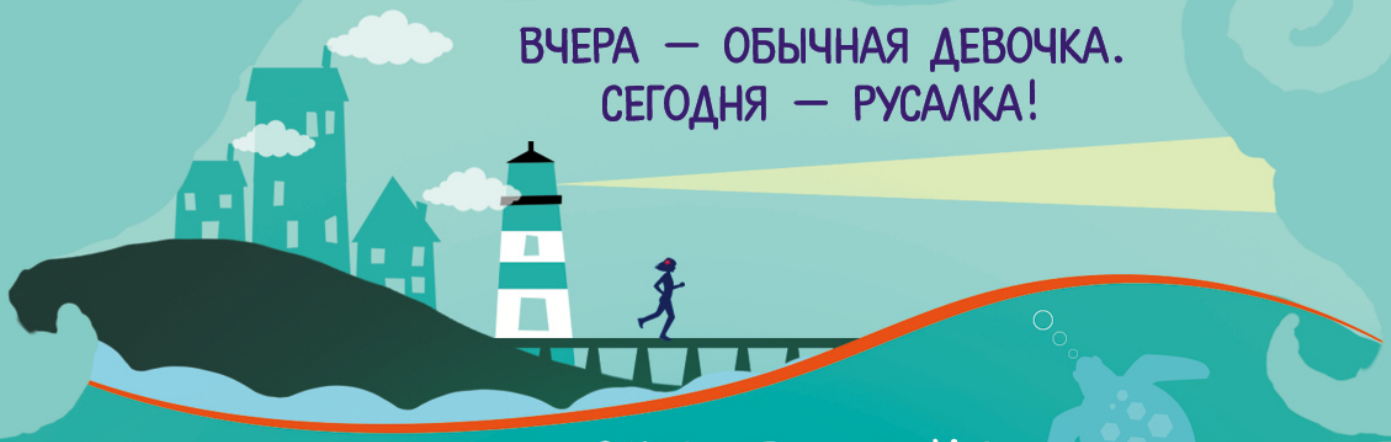
ВЧЕРА — ОБЫЧНАЯ ДЕВОЧКА.
СЕГОДНЯ — РУСАЛКА!



УРОКИ ПЛАВАНИЯ

ЭМИЛИ ВЕТРОХВАТ

ЛИЗ КЕССЛЕР

Приключения Эмили Ветрохват

Лиз Кесслер

Уроки плавания Эмили Ветрохват

«АСТ»
2003

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Кесслер Л.

Уроки плавания Эмили Ветрохват / Л. Кесслер — «АСТ», 2003 — (Приключения Эмили Ветрохват)

ISBN 978-5-17-108731-9

Двенадцатилетняя Эмили Ветрохват живет вместе с мамой в лодке на пристани, но не умеет плавать, ведь мама девочки категорически против, чтобы та приближалась к воде. Когда в школе начинаются уроки плавания, Эмили ждет потрясающее открытие: ее ноги могут превращаться в хвост! Вместе с новой подругой-русалкой Эмили отправляется в путешествие по таинственному подводному миру, чтобы познакомиться с морским народом, разгадать тайну своего рождения и узнать, кто она на самом деле.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-108731-9

© Кесслер Л., 2003
© АСТ, 2003

Содержание

Уроки плавания Эмили Ветрохват 6
Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Лиз Кесслер
Уроки плавания Эмили Ветрохват

© Liz Kessler 2003
© Lisa Horton 2018
© С. Резник, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Для Фрэнки, Люси, Эмили и отца

Милые дети, давайте уйдем
В подводную голубизну!
Там мои братья, в заливе наш дом,
Там бури на берег гонят волну,
Там вольно отливы текут в глубину,
Там белые кони летят табуном,
Их яростный бег не удержишь кнутом.
Дети мои, давайте уйдем
За окоем, за окоем!

Мэтью Арнольд, «Покинутый Тритон»

Уроки плавания Эмили Ветрохват

Глава 1

Вы умеете хранить секреты? Конечно, секреты есть у всех, но мой – особенный. Он удивительный и странный. Иногда мне снятся страшные сны, будто мой секрет раскрыт и меня посадили в зоопарк или сдали в исследовательскую лабораторию.

Все началось, когда я перешла в седьмой класс и у нас ввели уроки плавания. Они должны были проходить по средам, я с нетерпением ждала первого занятия. Моя мама терпеть не может плавать, и, когда я спрашивала, почему бы мне все-таки не научиться, она быстро переводила разговор на другую тему.

– Мы ведь живем на лодке! – удивлялась я. – Вокруг нас – вода!

– Ну нет, меня в воду не заманишь, – отвечала мама. – Посмотри, сколько в ней мусора после того, как моторки мотались туда-сюда целый день. Хватит болтать, лучше помоги мне порезать овощи.

Не разрешила она мне и посещать уроки плавания в начальной школе. Заявила, что это может быть заразно.

– Фу, всей толпой плескаться в одном бассейне! – Маму даже передернуло. – Благодарю покорно, мы с тобой как-нибудь обойдемся.

На этом все и кончилось.

Уломать ее удалось только этим летом, когда я перешла в среднюю школу.

– Ну хорошо, хорошо, – со вздохом согласилась мама. – Сдаюсь. Главное – меня не пытайся за собой тащить.

Тогда я еще ни разу не плавала в море, даже в ванне не купалась. Только не подумайте, что я какая-то там грязнуля: мы каждый вечер принимаем душ. Просто на лодке нет места для настоящей ванны, поэтому я ни разу не погружалась в воду целиком. Пока не наступила та среда в седьмом классе.

Мама купила мне специальную сумку для купальника и полотенца. С одного боку там была нарисована женщина, плывущая кролем. Я смотрела на картинку и воображала, как выигрываю Олимпийские игры и на мне точно такой же облегающий купальник и черные очки для плавания.

На деле все получилось не совсем так.

Когда мы пришли в бассейн, мужчина в белых шортах, красной футболке и со свистком на шее отправил девочек в одну раздевалку, а мальчиков – в другую.

Я торопливо переоделась в уголке: не люблю, когда кто-нибудь на меня при этом смотрит. Я очень тощая, с ногами-прутиками, да еще исцарапанными от вечного лазанья на борт «Морского царя». «Морской царь» – это наша лодка. Название немного напыщенное для маленького парусного суденышка с плесневелыми канатами, облупившейся краской и койками шириной со школьный пенал. Ну и ладно. К тому же обычно мы называем лодку просто «Царем».

– Мне нравится твой купальник, – улыбнулась Джулия Кроссенс, складывая вещи в шкафчик.

Купальник у меня был черный, с широкой белой полосой посередине.

– А мне – твоя шапочка, – улыбнулась я в ответ, глядя, как Джулия натягивает розовую купальную шапочку.

Я тоже заправила волосы под свою. Обычно я ношу распущенные, но сегодня мама велела связать их в хвостик. Волосы у меня пепельнорусые и пока коротковаты, но я их отращиваю. Сейчас они уже ниже плеч.

С Джулией мы иногда сидим за одной партой. Мы не лучшие подруги. Моей лучшей подругой была Шэрон Маттерсон, но она поступила в католическую школу, а я – в Брайтпортскую среднюю. Джулия – единственная, с кем я здесь могла бы подружиться. Хотя сама она, по-моему, предпочла бы Мэнди Раштон. Они часто зависают вместе на переменах.

Я не обижаюсь. Почти. Просто я еще не освоилась и иногда не могу найти столовую или какой-нибудь класс. Вдвоем искать было бы веселей. Эта Брайтпортская школа раз в десять больше моей начальной! Она похожа на огромный лабиринт, здесь просто МИЛЛИОНЫ мальчишек и девчонок, и все, похоже, точно знают, где и что.

– Идешь, Джули? – Между нами влезла Мэнди Раштон, нарочно повернувшись ко мне спиной. Покосившись на меня, она прошептала что-то на ухо Джулии и захихикала. Они вместе вышли, и Джулия даже не посмотрела в мою сторону.

Мэнди живет на пристани, как и я. У ее родителей зал игровых атоматов, а живут они над залом: в квартире на втором этаже. Раньше мы даже немножечко дружили, пока я не проговорилась маме, что Мэнди показала мне, как получить дополнительные ходы у «однорукого бандита». Я вовсе не собиралась устраивать Мэнди неприятности, но… В общем, теперь в зале игровых автоматов я – нежеланный гость. Если честно, с тех пор Мэнди со мной не разговаривает.

И вот сейчас мы оказались в одном классе. Как назло. Мало мне новой школы размером с город.

В общем, свои сборы я закончила в одиночестве.

– Итак, 7-й «В», слушайте сюда, – сказал мужчина со свистком, представившийся Бобом. – Все умеют плавать?

– Разумеется, все, – буркнула себе под нос Мэнди. – Что мы, малышня, что ли?

– Вот и славненько. – Боб посмотрел на нее. – Может быть, с тебя и начнем? Покажи нам, что ты умеешь.

Мэнди шагнула к краю бассейна, сунула большой палец в рот и залопотала:

– Ой, посмотрите на меня! Я младенчик, я совсем не умею плавать!

И, не выпуская пальца изо рта, боком плюхнулась в бассейн. Она притворилась, что тонет, хотя на самом деле нормально держалась на воде, плывя по-собачьи. Когда Мэнди добралась до конца дорожки, полкласса уже держалось за животы со смеху.

Чего нельзя было сказать о Бобе. Его лицо побагровело.

– По-твоему, это смешно? Вон из воды! Сейчас же! – заорал он.

Мэнди выбралась из бассейна и с улыбочкой раскланялась.

– Глупая девчонка! – Боб протянул ей полотенце. – Будешь сидеть в стороне и любоваться, как плавают другие.

– За что? – Улыбка сползла с губ Мэнди. – Это нечестно! Что я такого сделала-то?

Но Боб уже повернулся к ней спиной.

– А теперь, класс, начнем все сначала. Кто умеет хорошо плавать и при этом не собирается баловаться в воде?

Три четверти класса подняли руки. Мне отчаянно хотелось в бассейн, но руку поднять я не посмела. Только не сейчас.

– Отлично, – кивнул Боб. – Можете поплавать, если хотите, но на глубину не лезьте, – сказав это, он повернулся к остальным, жмущимся у бортика. – А я пока займусь вами.

Но едва он отвернулся, я не выдержала. Шмыгнула к тем, кто обходил бассейн, направляясь к «лягушатнику»! Это было безрассудством, ведь я еще ни разу в жизни не плавала – но откуда-то точно знала, что смогу. К тому же вода выглядела такой притягательной, прозрачной и спокойной: она словно затаилась, ожидая, когда кто-нибудь прыгнет в нее и оживит брызгами и волнами.

Вниз, под воду, уходило пять крутых ступеней. Я встала на первую. Теплая вода лизнула мне пальцы ног. Спустилась на вторую. Вода плеснула мне по коленкам. Еще две ступени – и все, я в воде!

Нырнув с головой, я широко развела руки, задержала дыхание и поплыла в глубину. Подводная тишина окружила меня со всех сторон, вода звала, манила мое тело своим упругим спокойствием. Я почувствовала, что обрела новый дом.

– Вот это уже больше похоже на плавание! – закричал Боб, когда я вынырнула на поверхность. – Ты словно родилась в воде! – И он повернулся к моим одноклассникам, уставившимся на меня с разинутыми ртами. – Надеюсь, к концу наших занятий вы тоже так научитесь.

Мэнди бросила на меня испепеляющий взгляд.

Тут-то все и случилось.

Около минуты я скользила по поверхности, будто летучая рыбка. И вдруг ноги будто заклинило. Словно кто-то склеил мои бедра и наложил шину на щиколотки! Стараясь улыбаться, я гребла руками к бортику, но ноги оставались как каменные! Я не чувствовала больше ни коленей, ни ступней, ни пальцев. Да что же это такое?

Секунду спустя, уже почти погрузившись под воду, я завопила. Боб, как был в шортах и футболке, сиганул в бассейн и поплыл ко мне.

– Мои ноги, – просипела я. – Я их не чувствую.

Поддерживая меня под подбородок своей широкой ладонью, Боб поплыл на спине к бортику.

– Не волнуйся, – сказал он, не прекращая работать ногами. – Это просто судорога. С каждым может случиться.

Мы доплыли до высоких ступеней и присели на верхнюю. Стоило вылезти из воды, как странное ощущение меня покинуло.

– Давай-ка посмотрим, что у тебя с ногами. – Боб пересадил меня на бортик. – Можешь поднять левую?

Я подняла.

– А правую?

Легко.

– Больно?

– Ни капельки, – ответила я.

– Да, похоже, просто судорога. Посиди тут немного: передохни, прежде чем снова плавать.

Я кивнула, и Боб вернулся к остальным. Однако я успела почувствовать то, чего он не заметил. И заметила то, чего он не почувствовал. У меня не было никакого объяснения случившемуся, но одно я знала точно: больше в бассейн ни ногой! Даже за миллион фунтов.

Я просидела на бортике довольно долго. Уже весь класс бултыхался; даже Мэнди позволили поплавать. Мне же неприятно было находиться к ним так близко: я боялась, что меня забрызгают и все повторится. По дороге домой я нервничала, опасаясь оступиться и свалиться с причала в море.

Причалы тянулись вдоль всего пирса. Рядом с нашей лодкой пришвартовано еще три судна: роскошный белый катер и две большие яхты. Но на них никто не живет.

Я осторожно ступила на причал. У нас была старая доска, по которой мы перебирались на борт «Царя». Давным-давно, когда я была еще маленькой, мама переносила меня по ней на руках. Но теперь я бегала по сходням сама. Вот только сегодня у меня ничего не получалось.

– Мам! – окликнула я с причала. – Я не могу перебраться!

На верхней палубе показалась мама в атласном халате и с полотенцем на голове.

– Что случилось? Я собираюсь в книжный клуб.

Я ни жива ни мертва стояла на причале. Вокруг колыхалось множество лодок, сливаясь в трепещущую массу мачт и парусов. Я уставилась на «Царя». Его парус был опущен. Мачта покачивалась вместе с лодкой, деревянная палуба блестела от брызг. Когда я перевела взгляд на ряд иллюминаторов вдоль борта, перед глазами у меня замельтешили темные пятна. Сверху по борту шел тонкий металлический поручень.

– Мне страшно, – призналась я.

Наконец мама, затянув потуже пояс халата, протянула мне худую руку.

– Давай уже, я тебя держу.

Я перешла по доске, и мама крепко обняла меня.

– Глупышка, – сказала она, ероша мне волосы, и ушла собираться в свой книжный клуб.

Моя мама вечно посещает не один, так другой клуб. В прошлом году ходила на пилатес, теперь вот – в книжный клуб. Она работает в букинистическом магазинчике на набережной. Там они и заседают. На самом деле у них здорово. Они открыли даже небольшое кафе, где можно купить густой молочный коктейль с настоящими фруктами и огромные овсяные печенья в шоколаде. Я уверена, что для мамы книжный клуб – это просто повод встретиться с подружками и вдоволь поболтать. Ну и пусть, зато она не висит у меня над душой.

Когда ее нет, за мной присматривает дородная предсказательница Милли, гадающая в порту по руке. Милли классная. Иногда она практикуется на мне в искусстве рейки и шиацу. А однажды даже принесла карты Таро. Предсказала, что я стану круглой отличницей и заслужу всеобщее признание. На следующий же день мне влепили «кол» за диктант, и пришлось три раза оставаться после уроков, чтобы исправить оценку. В этом вся Милли.

К счастью, сегодня вечером по телевизору очередные серии «Фермы Эммердейл» и «Жителей Ист-Энда», и Милли будет занята. Оно и к лучшему. Мне очень хочется побыть одной, подумать о том, что теперь делать. Пока я знала наверняка две вещи. Во-первых, нужно выяснить, что же со мной произошло в бассейне. Во-вторых, отделаться от уроков плавания раньше, чем это повторится.

Пока я расхаживала туда-сюда по гостиной, до меня доносился мамин голос. «Любишь ли ты меня? Останешься ли со мною?» – распевала она в своей каюте, перекрикивая компакт-диск. Собираясь куда-то, она всегда поет. Я, в общем, не против, главное – чтобы еще и в пляс не пускалась. Но сегодня я не обращала внимания на то, что делается вокруг.

Для начала я осторожно поинтересовалась, не лучше ли мне бросить уроки плавания, но мама отчего-то пришла в ярость.

– Надеюсь, ты пошутила, – отрезала она тоном, по которому было ясно, что лично она шутить даже не думает. – После всего, что ты тут устроила, и речи быть не может! Ты не сдашься.

Я подошла к газовому камину в углу салона – так мы называем нашу гостиную. Обычно мне неплохо думается во время ходьбы, но сегодня в голове звенела пустота. Потом прошлась вдоль обшарпанного дивана, застеленного широким оранжевым покрывалом. Шаг, второй, тудаобратно, скрип-скрип, думай-думай. Дохлый номер.

– «Лучше сразу признайся, детка, я не могу ждать вечно…» – голос мамы плыл из ее каюты.

Тогда я решила прогуляться до кухни. На лодке она называется камбузом. Там есть раковина, маленький холодильничек и даже плита, вечно заставленная пустыми картонными коробками и банками, которым мама пытается найти какое-нибудь новое применение. Камбуз расположен посередине лодки, в него ведут дверь с палубы и несколько деревянных ступенек. Спускаться нужно осторожно, потому что нижняя шатается. Я же обычно прыгаю вниз прямо с верхней.

Через кухню я прошла в коридорчик, ведущий к ванной комнате и нашим каютам.

– Как я выгляжу? – спросила мама, появляясь в противоположном конце.

Она была в новеньких джинсах и белой футболке с надписью «Baby» на груди. Буквы блестели и переливались. Футболка как футболка, все бы ничего – вот только недавно я купила себе похожую, а на маме она сидела лучше!

– Обалденно, мам! – сказала я, но тут сверху раздался знакомый стук.

Боковая дверца приотворилась, и в проеме показалась голова мистера Бистона.

– Это я, – произнес он, подозрительно осматриваясь.

Мистер Бистон – смотритель маяка. Он все время болтается поблизости. У меня от него мурашки: разговаривая, он как-то странно косится краем глаза. Они у него еще и разноцветные: левый – голубой, а правый – зеленый. Мама говорит, что ему просто тоскливо торчать на своем маяке, зажигать и выключать прожектор, всматриваясь в морские волны и общаясь с людьми только по радио, потому он к нам и таскается. Еще она говорит, что нужно его пожалеть.

– О, мистер Бистон! А я как раз собираюсь в книжный клуб. Жду только Милли, она будет здесь с минуты на минуту. Но я, пожалуй, пройдусь с вами до букинистического. – И с этими словами мама направилась за пальто.

Мистер Бистон по-крабьи вполз в дверь.

– Ну и как мы поживаем? – поинтересовался он, по обыкновению косясь на меня.

Губы у него такие же кривые, как и узел галстука. На рубашке недостает пуговиц, а во рту – зубов. Я поежилась. И зачем только мама оставила меня с ним наедине?

– Спасибо, хорошо.

– Да? Ну, славно, славно. – Смотритель, прищурившись, продолжал коситься на меня.

К счастью, Милли не заставила себя ждать, и мистер Бистон с мамой засобирались на выход.

– Я постараюсь вернуться не поздно, солнышко, – сказала мне мама на прощание и поцеловала в щеку, после чего стерла большим пальцем след от помады. – В духовке – пастуший пирог[1]. Поешьте с Милли.

– Салют, Эмили. – Гадалка, как всегда, пристально взглянула на меня. – Судя по твоей ауре, ты чем-то встревожена, – заметила она, в кои-то веки угадав. Даже странно.

Отбросив за спину черную вязаную накидку, Милли отправилась ставить чайник.

[1] Пастуший пирог – картофельная запеканка с мясом, традиционное блюдо британской кухни.

Я помахала маме и мистеру Бистону. Смотритель, дойдя с ней до конца причала, повернул налево и пошел по берегу залива обратно на свой маяк. На набережной уже зажглись фонари – бледно-желтые пятнышки на фоне оранжеворозового закатного неба. Мама свернула направо, к магазинчику.

Я смотрела им вслед, пока они оба не пропали из виду, а затем присоединилась к Милли, уже устроившейся на диване перед телевизором. Сидя с тарелками на коленях, мы жевали и смеялись над диктором, который то и дело запинался, рассказывая о погоде. Потом началась «Ферма Эммердейл». Милли посерьезнела, шикнула на меня и уставилась в экран.

Итак, у меня был свободный час.

Вымыв тарелки, я порылась в ручках и карандашах, стоявших в банке из-под варенья, взяла из шкафа в гостиной листок маминой лиловой бумаги и заперлась в своей каюте. Вот что я написала:

Уважаемая миссис Партингтон!

Прошу вас освободить Эмили от уроков плавания. Мы посетили врача, и он сказал, что у Эмили сильнейшая аллергия на воду. Ей НЕЛЬЗЯ даже приближаться к ней. Совсем. Никогда в жизни.

С наилучшими пожеланиями,
Мэри Пенелопа Ветрохват.

Когда мама вернулась, я сделала вид, что сплю. Она тихонько прокралась в каюту, чмокнула меня в макушку и убрала мне челку со лба. Ужасная привычка. Терпеть не могу, когда она так делает. Я еле удержалась, чтобы не поправить волосы еще до того, как мама вышла.

Несколько часов я лежала без сна. У меня к потолку приклеены светящиеся звездочки и месяц: я лежала и смотрела на них, пытаясь понять, что же все-таки со мной случилось.

Однако меня не покидало воспоминание о том, как ловко мое тело разрезало шелковистую воду… Прежде чем все пошло вкривь и вкось. Я продолжала слышать ту манящую тишину, вода словно играла со мной, казалось, что у нас с ней есть общий секрет. Но каждый раз, когда я с головой тонула в ощущении гладкой теплой воды на моей коже, в памяти всплывало лицо Мэнди, вырывая из забытья. Она свирепо глядела на меня. Раза два я уже почти заснула. Проваливалась в полудрему, где меня поджидали кошмары: я сижу в огромном аквариуме, а вокруг толпятся одноклассники, тычущие пальцами в стекло и хором скандирующие: «У-род-ка! У-род-ка!».

Нет! Я никогда больше не войду в воду!

Но вопросы не хотели меня покидать. Что же случилось в бассейне? Неужели теперь так будет всегда?

Как бы ни пугала меня идея вновь пройти через этот ужас, я знала, что не успокоюсь, пока не найду все ответы. Более того, меня буквально тянуло к воде. Получалось, что выбора попросту не было. Я ДОЛЖНА все выяснить, любой ценой.

К тому времени, когда из маминой каюты начало доноситься тихое посапывание, я приняла окончательное решение во всем разобраться, прежде чем кто-нибудь сделает это за меня.

Стараясь не шуметь, я поднялась с кровати. Вздрогнула, натягивая еще влажный купальник, поверх накинула джинсовую куртку. На цыпочках поднялась на палубу и осмотрелась. Пристань была пуста. На фоне ночного неба темнели силуэты гостиниц и магазинчиков, выстроившихся вдоль безлюдной набережной. Их можно было принять за театральную декорацию.

Огромная полная луна сияла над морем как прожектор. Я посмотрела на доску, перекинутую с лодки на причал, и меня замутило. *«Давай же, всего-то пара шагов!»* – подбодрила я себя.

И, сжав зубы и кулаки, я перебежала по сходням. Метнулась к швартовым тумбам в конце причала и уставилась на веревочную лестницу, уходящую вниз, в темноту, к воде. Море холодно поблескивало, и меня пробил озноб. Зачем, зачем я все это делаю?

В задумчивости я принялась накручивать прядку волос на палец. Всегда так делаю, если нужно пораскинуть мозгами, а настроения ходить туда-сюда нет.

Наконец я отбросила все сомнения и вопросы, а заодно и воспоминания о физиономии Мэнди. Я просто должна это сделать: узнать правду.

Застегнула куртку на все пуговицы, не желая лезть в воду без нее, и, задержав дыхание, ступила на первую перекладину веревочной лестницы. В последний раз поглядела на пустынную пристань и под тихое поскрипывание лодочных мачт, доносившееся с залива, осторожно начала спускаться во тьму.

Было время отлива, и последняя перекладина лестницы оказалась высоко над водой. *«Сейчас или никогда!»*

Не дав себе ни секунды на размышления, я зажала нос большим и указательным пальцами и прыгнула.

С громким всплеском плюхнулась в воду и тут же вынырнула на поверхность, хватая ртом воздух. На первых порах я не почувствовала ничего, кроме холода. *«Да что же такое я творю?»* – мелькнула запоздалая мысль.

Но я тут же взяла себя в руки и заколотила ногами. Довольно-таки беспорядочно поначалу. Через несколько секунд холод ушел, а с ним растаяли и мои тревоги. Волны, омывавшие мое тело, принесли необычайное спокойствие. Соль на губах, волосы, прилипшие к голове… Я нырнула и поплыла сквозь водную толщу, словно жила в море всю жизнь.

А потом случилось ЭТО. В ужасе я повернула назад, к пристани. НЕТ! Не хочу! Я передумала!

Протянула руку, но лестница висела так высоко, что я не могла дотянуться! *«Что я наделала?!»* Мои ноги опять склеились, они превратились в камень! Задыхаясь, я беспомощно замахала руками, хватая лишь пустоту. *«Судорога, это просто судорога»*, – успокаивала я себя, не смея взглянуть на то, чем стали мои ноги.

И тут все изменилось так же быстро, как и началось. Я перестала этому противиться.

Мои ноги срослись. Они совершенно исчезли. И что с того? Туда им и дорога. Так и… должно быть!

Стоило прекратить дергаться, как я обнаружила, что прекрасно держусь на воде. Перестав сумбурно молотить руками, я превратилась в парящую орлицу, в аэроплан… в дельфина, радостно и стремительно рассекающего волны.

Все правильно. Ведь вы уже догадались, да? Неужели еще нет? Впрочем, неважно. Главное – обещайте, что никому-никому не расскажете.

Короче, я превратилась в русалку.

Глава 2

Событие из ряда вон выходящее, правда? Далеко не с каждой девочкой такое случается. Однако со мной вот случилось. Я – русалка. Русалка! Но как? Почему? И что, теперь я всегда буду русалкой? Вопросы роились в голове, а ответов не находилось. Одно я понимала: открылась совершенно неизвестная грань моей натуры – и еще ни разу в жизни мне не было так хорошо.

Я плавала, как… Ну, наверное, как рыба! В каком-то смысле я и была рыбой. Верхняя половина тела не изменилась: худенькие руки, мокрая прилипшая ко лбу челка, черный купальник.

Зато ниже белой полосы на талии я сделалась чем-то другим. Вернее, кем-то другим. Купальник исчез, сменившись сверкающей чешуей. Мои ноги стали длинным хвостом, переливающимся зеленым и фиолетовым цветами. Я скользила вперед, изящно им помахивая. Уже одно это было невероятно: чем-чем, а изяществом я никогда похвастаться не могла. Когда я плеснула хвостом по водной глади, он радужно вспыхнул в лунном свете. Достаточно было одного неуловимого движения моего удивительного хвоста, чтобы стремительно двигаться дальше, погружаясь все глубже и глубже.

Это напомнило мне, как мы с классом ходили на экскурсию в «Водный мир». Нас привели в туннель под водой, а вокруг плавали всякие рыбы. Складывалось впечатление, что находишься на морском дне. Только в этот раз все было по-настоящему! Я могла протянуть руку и коснуться колышущихся водорослей, напоминающих висящие вверх тормашками занавески.

Можно было плавать наперегонки со стайкой пузатых серых рыбок, круживших вокруг меня словно в танце.

Я даже рассмеялась от удовольствия, и из моего рта вверх протянулась ниточка пузырьков. Казалось, я плавала от силы минут пять, но небо уже порозовело. Меня как громом поразила жуткая мысль: *«А что если я не смогу вернуться?»*.

Однако едва я благодаря приливу дотянулась до веревочной лестницы, как мой хвост сделался вялым. Болтаясь на перекладине, я с изумлением наблюдала, как одна за другой исчезают сверкающие чешуйки и на месте хвоста появляются ноги. Ощущение было странным: чем-то оно напоминало онемение в челюсти после укола зубного врача.

Я немного пошевелила пальцами, окончательно прогоняя покалывание в ступнях, и пошла домой, пообещав себе, что вернусь, и как можно скорее.

Боб, наш инструктор по плаванию, стоял прямо надо мной и разговаривал по мобильнику. Однако я не могла разобрать ни слова. Вдруг кто-то схватил меня сзади за плечи.

– Это она? – прорычал мне прямо в ухо мужской голос.

Боб кивнул. Я попыталась вырваться, но незнакомец был очень сильный.

– Что вам нужно? – пискнула я.

– Будто не понимаешь. Уродка! – рявкнул человек, встряхивая меня за плечи.

– Я не уродка! – завопила я. – Не уродка!

– Хватит притворяться, – сказал женский голос.

– Я не притворяюсь, – извивалась я в железной хватке. – Я не уродка!

– Эмили, ради всего святого! – произнес вдруг мамин голос. – Я же знаю, что ты не спишь.

Я разлепила веки. Надо мной склонилось мамино лицо. Мама держала меня за плечи, легонько встряхивая.

– Что случилось? – Я рывком села в постели.

– А то, сонная тетеря, что ты в школу опаздываешь. Давай пошевеливайся.

Мама отпустила меня, встала и раздвинула занавеску в дверном проеме.

– И не забудь зубы почистить! – донесся ее голос уже из коридора.

За завтраком я пыталась вспомнить, что же кричала во сне. Все казалось таким реальным: незнакомец, эти голоса. Не говорила ли я вслух? Спросить маму я не смела, поэтому ела молча. Только сунула в рот третью ложку хлопьев, как тут случилось нечто ужасное.

Мама, как обычно, возилась рядом, разбирая огромную кипу бумаг, сваленных позади миксера.

– Куда же он делся? – бубнила она.

– Что ты на этот раз посеяла?

– Да список покупок. Я помню, что положила его вот сюда. – Мама склонилась над бумагами. – А, вот же он!

Подняв взгляд, я с ужасом увидела у нее в руках листок бумаги. То есть не просто листок, а ТОТ САМЫЙ ЛИСТ РОСКОШНОЙ ЛИЛОВОЙ БУМАГИ!

– Не-е-ет! – завопила я так, что хлопья полетели изо рта.

Вскочив, я бросилась к маме, собираясь выхватить у нее листок. Слишком поздно: она уже развернула его. Близоруко прищурившись, пробежалась глазами по строчкам.

– Нет, это не то, – пробормотала мама, складывая лист.

Дыхание у меня перехватило, и я с трудом проглотила остатки хлопьев.

– Погоди-ка, там же мое имя!

– Нет-нет, это вовсе не твое имя, мам. Это… это имя одной моей подруги. – Я попыталась вырвать у нее бумажку, но мама не обратила на меня внимания.

– Куда подевались мои очки?

Очки, разумеется, как всегда, висели у нее на шее.

– Давай я тебе прочитаю, – предложила я тоном самой заботливой из дочерей.

Однако мама уже нащупала свои очки, нацепила их на нос и внимательно изучила записку. Я попятилась было к выходу, но мама уже глядела на меня в упор.

– Эмили!

– Что?

Мама сняла очки и помахала листком у меня перед носом.

– Ничего не хочешь мне объяснить?

– Ну, значит… Хм… Можно взглянуть?

И я уставилась на листок, всей душой надеясь, что выражение моего лица говорит: «Что же это за бумажонка? Никогда прежде ее не видела, но так уж и быть, посмотрю».

Мама молчала, а я продолжала глупо таращиться, делая вид, что читаю, лишь бы не встречаться с ней глазами. Меня ждал заслуженный нагоняй.

Действительность оказалась еще хуже. Мама отложила злосчастный листок, взяла меня за подбородок, приподняла мою голову и произнесла:

– Я тебя понимаю, Эмили. Я все знаю.

– Знаешь? – в ужасе взвизгнула я.

– Во сне ты бормотала, что не уродка. Я должна была догадаться.

– Должна?

– Вот я балда, как же до меня сразу-то не дошло? – грустно сказала мама, отпуская мой подбородок.

– Но откуда ты зна…

– Мы ведь с тобой одинаковые. – Мама взяла мою ладонь в свою. – Ты тоже боишься воды.

– Боюсь?! – удивленно воскликнула я, но тут же осеклась и, откашлявшись, поправила школьный галстук. – Точно. Так и есть. Я ее боюсь, – произнесла я как можно убедительнее. – Конечно, боюсь! До ужаса. Да, именно боюсь, лучше и не скажешь. Все дело в страхе. Только в нем и ни в чем другом…

– Почему же ты мне не призналась?

Я опустила глаза, плотно зажмурила веки, попытавшись выдавить из себя хоть одну слезинку, и прошептала:

– Мне было стыдно. Не хотелось тебя подводить.

Крепко сжав мою руку, мама взглянула мне в лицо. Она тоже чуть не плакала.

– Это моя вина, доченька. Я тебя подвела. Не позволяла тебе научиться плавать, и ты заразилась моим страхом.

– Ага, – грустно кивнула я. – Похоже на то. Но ты не должна себя корить, мам. Все нормально, правда. Подумаешь, плавание какое-то.

– Мы ведь живем на лодке! – Мама отпустила мою руку и покачала головой. – Вокруг нас – вода!

Я чуть не расхохоталась, но вовремя захлопнула рот, увидев мамино напряженное лицо. Меня поразила внезапная мысль.

– Мам, если ты так боишься воды, то почему мы живем на лодке?

– Понимаю, это странно. – Мама прищурилась и в упор посмотрела на меня, словно что-то ища на моем лице. – Я не могу тебе объяснить, но в глубине души чувствую, что никогда не покину нашего «Царя».

– Бред какой-то. Сама посуди: ты боишься воды, а мы живем в лодке в приморском городе.

– Да знаю я, знаю!

– В настоящей глухомани. Даже бабушка с дедушкой живут на другом конце страны.

– Бабушка с дедушкой? – Мамино лицо вытянулось. – А они тут при чем?

– При том, что я никогда их не видела! Две открытки в год, и все.

– Я уже говорила тебе, Эми, они живут очень-очень далеко. И, потом, я с ними не в ладах.

– Почему?

– Мы поругались. Давным-давно. – Она издала нервный смешок. – Так давно, что я и забыла, из-за чего.

Повисла мертвая тишина. Затем мама встала и выглянула в иллюминатор.

– Все это неправильно, ты не должна страдать, – бормотала она, вытирая иллюминатор рукавом, после чего резко, так что взметнулась юбка, обернулась. – Придумала! Я знаю, что мы с тобой сделаем.

– Сделаем? Ты о чем? Я отнесу записку в школу. Ну, или ты напиши новую своей рукой. Никто ничего не узнает.

– Конечно, они узнают! Нет, мы не можем так поступить.

– Да можем. Я просто…

– Хватит спорить, Эмили. Мое терпение иссякло. – Ее губы решительно сжались. – Я не позволю тебе повторить мою судьбу.

– Но ты ведь не…

– Как я живу – это мое личное дело! – рявкнула мама. – Прошу тебя, кончай препираться. – Она задумалась, уставившись в раскрытую телефонную книгу. – Нет, все не то. Ты должна победить свой страх.

– Мам, что ты задумала? – Я неуверенно крутила пуговицу на блузке.

Она отвернулась от меня и схватилась за телефон.

– Хочу отвести тебя на сеанс гипноза.

– Хорошо, Эмили. Теперь я хочу, чтобы ты дышала спокойно и глубоко. Вот так.

Я сидела в кресле в задней комнате у гадалки Милли. Понятия не имела, что Милли владеет гипнозом, но, оказывается, это так. Сандра Касл утверждает, что Милли буквально творит чудеса с нервным тиком Чарли Пиггота, и для мамы ее похвалы было достаточно.

– Попытайся расслабиться, – нараспев произнесла Милли, громко и глубоко вздохнув.

Мама сидела на пластмассовом стуле в углу. Она пожелала присутствовать на сеансе, «просто на всякий случай». На какой такой случай, не уточнила.

– Сейчас ты ненадолго заснешь, – протяжно произнесла Милли, – а когда проснешься, твой страх воды исчезнет. Он испарится, схлынет…

Мне ни в коем случае нельзя было засыпать! Если бы я погрузилась в транс и принялась бормотать о случившемся, весь мой план пошел бы псу под хвост. Не то чтобы у меня был какой-то определенный план – но вы понимаете, о чем я. Что подумает Милли, если я проболтаюсь? Что она тогда предпримет? Перед моим внутренним взором замелькали сети, клетки, исследовательские лаборатории. Я прогнала прочь непрошеные видения.

– Очень хорошо, – хрипловатым голосом сказала Милли. – Теперь я начну считать от десяти до одного, а ты закрой глаза и представь, что стоишь на эскалаторе и едешь вниз, все ниже и ниже, глубже и глубже. Устройся поудобнее.

Я поерзала в своем кресле.

– Десять… девять… восемь… – тихо начала Милли обратный отсчет, а я закрыла глаза и напряженно ждала, когда же придет дремота.

– Семь… шесть… пять…

Представила себя на эскалаторе – вроде того, что в городском торговом центре. Эскалатор шел вниз, а я – лезла вверх. Лезла и ждала, что будет.

– Четыре… три… два… Твои веки тяжелеют…

Я ждала. И тут до меня дошло, что спать-то совсем не хочется. Наоборот…

– …один.

…Я была бодра как никогда! Ура! Получилось! Милли – просто шарлатанка! А если она что и угадывает по «ауре», то случайно!

Казалось, Милли молчала целую вечность. Я начала беспокоиться, но тут тишину нарушил знакомый звук. Осторожно приоткрыв глаза, я увидела уснувшую маму, сопящую как лошадь! Я быстро зажмурилась, едва сдержав смешок.

– А теперь представь себя у воды, – низким басом прогудела Милли. – Какие чувства она в тебе вызывает? Страх? Что-нибудь еще?

Единственное, что я чувствовала, – колотье в боку от попыток удержать хохот.

– Теперь подумай о том месте, где чувствуешь себя в безопасности, счастливой.

Я представила, что плаваю в море. Мои ноги превращаются в прекрасный хвост, и я резвлюсь в волнах с серебристыми рыбками. Я чуть было с головой не ушла в счастливые видения, когда внезапно раздалось:

– Хр-р-р!

Мама всхрапнула так громко, что я подпрыгнула в кресле. Глаз, однако, не раскрыла, продолжая притворяться спящей. Мама завозилась на стуле и прошептала:

– Извини, Милли.

– Ничего страшного, Пенелопа. Эмили в глубоком трансе. Она только вздрогнула.

Я вновь предалась приятным мечтам. Буквально дождаться не могла возможности вернуться в море. Где-то далеко звучал голос Милли, возобновилось мамино похрапывание. К тому времени, когда гадалка досчитала до семи, чтобы меня «разбудить», я была так довольна, что кинулась ей на шею.

– Что это с тобой? – спросила Милли.

– Спасибо тебе! Мой страх совершенно пропал! – объявила я.

– Не за что, котенок, – пробормотала она. – Я сделала это из любви к тебе.

Мама дала ей двадцать фунтов, и Милли, залившись краской, сунула деньги в кошелек.

По пути домой мама молчала. Вдруг она догадалась, что я вовсе не спала? Неужели что-то заподозрила? Спросить я не решалась. Пройдя узкими улочками, мы повернули к набережной. На перекрестке мама кивнула на скамейку с видом на море:

– Давай присядем.

– С тобой все в порядке, мам? – как можно более небрежно спросила я, когда мы устроились на скамье.

Был отлив. На обнажившемся песке, покрытом слоистыми узорами, поблескивали лужицы. Мама пристально смотрела вдаль.

– Мне приснился сон, – сказала она, не сводя глаз с горизонта. – Я видела его как наяву, и он был прекрасен.

– Сон? Что тебе снилось?

Она быстро взглянула на меня, моргнула и вновь отвернулась к морю.

– Он где-то там. Я и сейчас почти чувствую его.

– Мам, ты о чем?

– Пообещай, что не подумаешь, будто я спятила.

– Обещаю!

Мама улыбнулась и взъерошила мне челку. Я сердито пригладила ее обратно.

– Когда мы были у Милли, – мама закрыла глаза, – мне приснился затонувший корабль. Огромное золотое судно с мраморными мачтами. «Янтарные своды, жемчужный пол…»

– Что-что?

– Это из одного стихотворения, если не ошибаюсь. Не могу припомнить продолжение… – Она не отрывала взгляда от волн. – А еще камни, необычные, невиданные. Раньше они сверкали всеми цветами радуги…

– Раньше? Что ты хочешь этим сказать?

– Я сказала «раньше»? Ну, я имела в виду, они были такими в моем сне. Как радуга в воде. Они казались такими реальными, до того знакомыми… – Умолкнув, мама покосилась на меня. – Иногда такое бывает, верно? Нам всем временами снятся очень реальные сны. Думаю, и с тобой такое случается, правда?

Пока я соображала, что ответить, мама замахала рукой.

– Ой, смотри! – оживленно проговорила она. – Мистер Бистон.

К пирсу топал смотритель маяка. Каждое воскресенье он приходит к нам на чашку чая. Как штык в три часа. Мама заваривает чай, а мистер Бистон приносит булочки с сахарной глазурью, пончики или шоколадно-карамельное печенье. Обычно я быстренько проглатываю свою долю и убегаю. Не знаю, что не так с этим мистером Бистоном, но в его присутствии наша лодка делается меньше и темнее.

Мама сунула пальцы в рот и пронзительно свистнула. Смотритель оглянулся, увидев нас, криво ухмыльнулся и помахал рукой. Мама поднялась.

– Пойдем, Эми. Пора возвращаться домой и ставить чайник.

И, прежде чем я успела возразить, она направилась к лодке. Я побежала за ней.

Глава 3

Ночью я снова выбралась наружу. Просто не могла удержаться. На сей раз я заплыла подальше. В гавани было грязно от мазута и всякого мусора, и мне захотелось поплавать в чистой воде.

Из открытого моря Брайтпорт выглядел совсем маленьким. Кучка домишек теснилась на берегу подковообразной бухточки, на одном конце которой располагался порт, а на другом высился маяк.

Уличные фонари окутывали город желтоватой светящейся дымкой, в которой изредка мелькали белые фары автомобилей.

Стоило мне обогнуть скалы на краю гавани, как вода стала чище и мягче – точно зернистая черно-белая картинка сменилась яркой цветной. Вместо толстых серых рыб появились желто-синие полосатики с серебряными хвостами-вуалями; длинные тонкие зеленые рыбки со злыми ртами топорщили жесткие усики; еще были какие-то оранжевые, с пятнистыми черными плавниками. Вся эта живность так и вилась вокруг меня.

Время от времени я проплывала над длинными песчаными косами. Там, на дне, извивались дымчатые, похожие на лианы существа, тонкие, почти полупрозрачные, как бумага. Внезапно вода сделалась холоднее и глубже, а дно – каменистым. Теперь плыть пришлось осторожнее. Камни выглядели черными от колючих морских ежей, и я боялась поцарапать об их иглы свой хвост.

Затем вода вновь потеплела: я доплыла до очередного мелководья. И тут почувствовала, что начинаю уставать. Всплыв на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, я обнаружила, что до

дома – несколько миль. Так далеко я еще никогда не забиралась. Попыталась взмахнуть хвостом, но взмах вышел вялым. Хвост болел. Кое-как добралась до каменистого островка и вскарабкалась на большой гладкий камень, положив хвост на гальку. Минутой спустя он уже онемел. Я пошевелила ступнями, со страхом наблюдая, как возвращаются ноги. Это зрелище все еще меня завораживало.

Я отдыхала, привалившись спиной к камню, и вдруг кое-что услышала. Словно кто-то пел, только без слов. Влажные камни блестели в лунном свете, вокруг не было ни души. Может, мне померещилось? Лишь вода то накатывала, то отступала, с шуршанием перебирая гальку. Пение раздалось вновь.

Но откуда? Я влезла на отполированный морем камень и огляделась. Тогда-то я ее и увидела. И не поверила собственным глазам. Этого не могло быть… Но вот же она! Русалка! Настоящая! Точь-в-точь как на картинке из детской книжки. Она пела и расчесывала длинные белокурые волосы, струившиеся по спине. Русалка сидела на краю камня, то и дело ерзая, словно пытаясь устроиться поудобнее. Хвост у нее был длиннее и тоньше моего. Серебристо-зеленый, он мерцал в лунных лучах. Русалка тихонько шлепала им по камню в такт песне.

Надо сказать, репертуар был несколько однообразный. Доходя до конца песни, русалка заводила ее по новой. Иногда голос давал петуха, тогда она хлопала себя расческой по хвосту, сердито приговаривая:

– Соберись, Шона! Постарайся!

Я долго наблюдала за ней, разевая рот, точно вытащенная из воды рыбина. Мне ужасно захотелось поговорить с незнакомкой. Но как начать разговор с русалкой, распевающей среди ночи на камнях? Меня, знаете ли, к такому не готовили.

В конце концов я деликатно кашлянула. Русалка обернулась.

– Ой! – воскликнула она, взглянув на мои ноги, и через секунду плюхнулась в воду – только ее и видели.

Я запрыгала по камням у кромки воды.

– Подожди! – кричала я ей вдогонку. – Я просто хочу с тобой поговорить!

Она остановилась и опасливо оглянулась.

– Я тоже русалка! – призналась я.

Ага, русалка. В купальнике и с тощими ногами. Поверит она мне, как же.

– Постой! Сейчас докажу.

С этими словами я прыгнула в воду и поплыла, вновь со страхом ощутив, как тяжелеют и срастаются ноги. Но, приняв нужную форму, моя нижняя половина расслабилась, а вместе с ней расслабилась и верхняя. Я гордо взмахнула хвостом и плеснула им по воде.

Однако русалка уплывала прочь.

– Да куда же ты?! Смотри!

Подождав, пока она оглянется, я нырнула, выставив хвост как можно выше, и замахала им. Когда я вынырнула, русалка недоверчиво уставилась на меня. Я улыбнулась, но она только наклонила голову и скрылась под водой.

– Не уплывай! – попросила я, а через миг увидела над водой ее хвост.

Только она не размахивала им беспорядочно, как я. Движения Шоны напоминали, скорее, танец или синхронное плавание. В лунном свете русалочий хвост сверкал серебром.

Когда она вынырнула, я захлопала в ладоши. То есть попыталась. Потому что, едва подняв обе руки, я ушла в глубину и нахлебалась воды. Русалка рассмеялась и подплыла поближе.

– Никогда прежде тебя не видела, – сказала она. – Сколько тебе лет?

– Двенадцать.

– И мне. Но ты учишься не в нашей школе, да?

– В Брайтпортской. В этом году перешла.

– Ой! – Она встревоженно посмотрела на меня и отплыла подальше.

– В чем дело?

– Просто… я никогда о такой не слышала. Это русалочья школа?

– Ты посещаешь русалочью школу?

Все это было похоже на сказку, и хотя я давно выросла из сказок – правда-правда, – ее слова звучали чудесно.

Шона сложила руки на груди – интересно, как она при этом не тонет? – и довольно сварливо буркнула:

– И что тут такого? А какую еще школу, по-твоему, я должна посещать?

– Да нет! Наоборот, это здорово! – заорала я. – Мне бы тоже очень хотелось.

Мне вдруг захотелось рассказать ей все-все.

– Понимаешь… я только недавно стала русалкой. Прежде то ли не знала, то ли еще что… – Слова потоком полились из меня. – Даже в воде никогда толком не бывала. А когда наконец окунулась, то оно со мной и случилось. Вначале я сильно испугалась, а теперь жалею, что не обнаружила своего дара раньше.

Я подняла взгляд. Русалка смотрела на меня во все глаза, словно я была инопланетянкой, которую выбросило на берег. Я тоже попыталась сложить руки и обнаружила, что если легонько шевелить хвостом туда-сюда, то можно держаться прямо. Так мы и торчали в воде, поводя хвостами и рассматривая друг друга. Затем уголок ее рта дрогнул, и я почувствовала, что на моей левой щеке тоже появляется ямочка. Через мгновенье мы обе хохотали как ненормальные.

– Над чем мы смеемся? – выдавила я, с трудом восстановив дыхание.

– Сама не знаю! – ответила русалка, и мы опять засмеялись.

– Как тебя зовут? – спросила она, когда мы успокоились. – Я – Шона Шелкопер.

– А я – Эмили Ветрохват.

– Ветрохват? Ты не шутишь? – Шона больше не улыбалась.

– Нет. А что?

– Ничего. Просто…

– Да в чем же дело?

– Нет-нет, ни в чем. Мне показалось, что я уже слышала эту фамилию, но я ошиблась. Наверное, показалось. Прежде ты сюда не заплывала, правда?

– Прежде? Я и плавать-то научилась всего две недели назад! – усмехнулась я.

– А что ты сделала с хвостом? – спросила Шона самым серьезным тоном.

– С хвостом?

– Да, с хвостом.

– Ты о стойке? Хочешь, чтобы я еще раз показала?

– Нет, я о другом, – она ткнула пальцем под воду. – Как ты его меняешь?

– Сама не знаю. Он просто меняется, и все. Захожу в воду, и ноги исчезают.

– В жизни о таком не слышала. Разве что в книжках читала. А каково это?

– Передвигаться на ногах?

Шона кивнула.

– В общем неплохо. Можно всюду ходить, бегать, лазать, прыгать и скакать.

Шона смотрела на меня, будто я заговорила на тарабарском языке.

– Зато ногами нельзя вот так!

Она нырнула. Ее хвост закрутился над водой. Она вертела им все быстрее и быстрее, выписывая хвостокружительные пируэты. Вода так и брызгала во все стороны, засияли лунные радуги. Потом Шона перевернулась обратно вверх головой.

– Потрясающе! – воскликнула я.

– Мы разучиваем это на ныротанцах. Собираемся выступить на межзаливных соревнованиях через несколько недель. Меня впервые зачислили в команду.

– Ныротанцы?

– Ну да, предмет такой. Ныряние и танцы. А в прошлом году я ходила на хор, – захлебываясь от восторга, сообщила Шона. – И миссис Девятивал сказала, что во время моего выступления целых пять рыбаков поплыли на скалы, зачарованные моим голосом. – Русалка горделиво улыбнулась, ее застенчивости и след простыл. – Еще никому в Камнебригской школе не удавалось приманить столько рыбаков зараз.

– И ты полагаешь, это хорошо? – с сомнением уточнила я.

– Хорошо? Да это просто великолепно! Я собираюсь стать сиреной, когда вырасту.

– То есть все эти легенды о русалках, заманивающих моряков на погибель, – правда?

– Мы вовсе не желаем им смерти, – пожала плечами Шона. – Зачем это нам? Просто гипнотизируем их, заставляя изменить маршрут, а потом стираем им память. Они уплывают восвояси, забывая, что встречались с нами.

– Стираете им память?

– Ага. Это самое безопасное. Только не всякий такое умеет. Лишь настоящие сирены и приближенные Царя. А иначе люди или украдут всю нашу рыбу, или обнаружат нас. Но иногда… – Шона склонилась ко мне поближе. – Иногда они влюбляются.

– Кто? Рыбаки и русалки?

– Ну да! – энергично закивала Шона. – Об этом столько историй! Влюбляться в людей категорически запрещено, но ведь это так романтично. Ты не находишь?

– Наверное. Ты для этого сегодня пела?

– Что ты! Просто репетировала для контрольной по красе и осанке, – сказала она так, словно этих слов мне было достаточно, чтобы понять, о чем она. – Завтра зачет, а я никак не добьюсь идеальной позы. Нужно правильно сесть, склонить голову под правильным углом и сто раз провести гребнем по волосам. Попытка проделать все это одновременно – настоящая заноза в жабрах.

Она затихла, и я решила, что мне пора тоже что-нибудь сказать.

– Я так тебя понимаю, – сообщила я, надеясь, что выходит убедительно.

– В прошлой четверти я была лучшей, но тогда требовалось только причесываться. Теперь же нужно делать все это вместе.

– Сложно, должно быть.

– Красанка – мой самый любимый предмет, – продолжала Шона. – Я надеялась стать старостой по расчесыванию, но назначили Синтию Тихоплеск. – Шона понизила голос. – Однако миссис Острохвост сказала, что если я хорошо сдам зачет, то, возможно, в следующий раз выберут меня.

Ну и что на все это ответить?

– Ты, наверное, вообразила, что я – паинька и зубрила, да? – Шона немного отплыла. – Так все думают.

– Нет, конечно же! Ты… ты… – я никак не могла подобрать нужные слова. – Ты такая… прикольная.

– Ты тоже довольно прибойная, – ответила Шона и немного приблизилась.

– А что ты здесь делаешь так поздно? – поинтересовалась я.

– Эти валуны – лучшее место в округе для упражнений по красанке, но днем к ним не подплывешь. Слишком опасно. – Она махнула рукой в сторону берега. – Поэтому я приплываю сюда ночью. По воскресеньям и средам. В воскресенье мама всегда ложится спать в девять, хоть отлив по ней сверяй. Хочет получше выспаться, чтобы быть свежей в начале рабочей недели. А по средам у нее аквааэробика, она там так выматывается, что дрыхнет без задних плавников. Папа же всегда спит китовым сном! – Шона хихикнула. – Во всяком случае, мне было очень приятно тебя встретить.

– И мне, – улыбнулась я в ответ.

Щербатая луна, поднявшись на небосвод, казалось, светила теперь прямо у меня над головой.

– Только мне уже пора, – добавила я, зевнув.

– Но ты ведь приплывешь сюда еще? – посерьезнела Шона.

– Я бы очень хотела.

Может, Шона и была странной, но ведь она – самая настоящая русалка! Единственная, которую я знала. И она похожа на меня.

– Вот только когда?

– В среду? – предложила Шона.

– Отлично! – я улыбнулась. – Удачи тебе на зачете!

– Спасибо, – ответила Шона, плеснула хвостом и исчезла в глубине.

В темноте я переплывала Брайтпортский залив, и тут луч прожектора, установленного на маяке, внезапно ударил по воде. Я замерла. Сноп света медленно обшарил море, исчез позади маяка, снова появился и снова исчез. Зрелище было завораживающим. Большой корабль бесшумно появился на горизонте, его силуэт был едва различим в мигающем луче маяка.

Вдруг я заметила какую-то тень. Кто-то стоял на камнях у подножия маяка. Мистер Бистон! Что он там делает? Вроде бы на море смотрит. Следит за тем кораблем?

Завидев очередной приближающийся луч, я нырнула. Что если смотритель меня заметил? Я оставалась под водой, пока луч не прошел мимо. Всплыла и оглянулась на маяк. Рядом с ним уже никого не было.

И вдруг прожектор погас. Я ждала. Свет больше не загорелся.

Я попыталась представить себе смотрителя. Вообразила, как он слоняется один-одинешенек по огромному пустому маяку, спускается и поднимается по каменной винтовой лестнице, и лишь эхо вторит его шагам. Сидит один как сыч и таращится в море. Потом зажигает прожектор. Разве это жизнь? Какой человек может так существовать? И почему свет погас и больше не зажегся?

Мрачные мысли преследовали меня всю дорогу к дому.

До пирса я добралась почти на рассвете. Дрожа от усталости, вскарабкалась по веревочной лестнице.

Проскользнула на нашу лодку, повесила куртку у камина. К утру она должна просохнуть. Мама, включая камин, устраивала по ночам настоящую баню.

Я прокралась в свою каюту и наконец-то легла в кровать, возблагодарив счастливую звезду, сиявшую на моем потолке, за то, что вернулась домой целая и невредимая. А еще за то, что никто пока не раскрыл моего секрета.

Глава 4

– Не забудь свои вещи!

Мама, стоя в дверях, протягивала мне предмет, увидев который я похолодела.

– Угу, – буркнула я, беря сумку с купальником и полотенцем.

– И пошевеливайся! Ты же не хочешь опоздать?

– Не хочу. – Опустив голову, я принялась рассматривать песок, забившийся между досками причала. – Мам… – прошептала я.

– Что, лапочка?

– А мне обязательно сегодня идти в школу?

– Разумеется, обязательно! Какая муха тебя укусила?

– Я неважно себя чувствую. – Скорчив страдальческую гримасу, я схватилась за живот.

Мама перешла по сходням, присела на корточки и приподняла мое лицо за подбородок. Не-на-ви-жу, когда она так делает! Приходится зажмуриваться, чтобы не смотреть ей в глаза, и чувствую я себя донельзя глупо.

– Что еще за выкрутасы? – спросила она. – Это из-за новой школы? Тебе там не нравится?

– Да нет, нравится, – торопливо проговорила я. – Ну, в общем и целом.

– Тогда в чем дело? В уроках плавания?

Я попыталась отвернуться, но мама крепко держала меня за подбородок.

– Нет, – соврала я, отводя глаза, насколько было возможно.

– Я думала, мы решили эту проблему. Или ты боишься, что не сработало?

Ну почему, почему я не сообразила сразу? Как можно быть такой тупицей? Неужели нельзя было догадаться, что, как только я «излечусь», меня сразу отправят на плавание!

– Просто живот болит, – слабым голосом пробормотала я.

– Брось, поросенок, ничего у тебя не болит, и ты сама это прекрасно знаешь. – Мама наконец-то отпустила мой многострадальный подбородок. – Вперед! Труба зовет! – Она шлепнула меня по мягкому месту. – Все будет хорошо, вот увидишь, – ласково добавила она.

– Ага, – буркнула я и нога за ногу побрела по причалу на набережную, к автобусной остановке.

Когда я вошла в класс, миссис Партингтон как раз закончила перекличку. Она выразительно посмотрела на часы и сказала:

– На сей раз я закрою глазок, но больше не опаздывай.

Она всегда так шутит. Мы смеемся, потому что один глаз у нее на самом деле слепой, и ей даже закрывать его не надо. Он такой же ярко-голубой, как и зрячий, но совершенно неподвижный. Этот глаз буравит вас, даже когда миссис Партингтон смотрит в другую сторону. Жуть, короче. А когда она с тобой разговаривает, ты вообще не понимаешь, куда смотреть. Поэтому при ней мы стараемся вести себя тише воды, ниже травы. Класс миссис Партингтон всегда самый дисциплинированный.

Впрочем, сегодня мне было не до смеха. Извинившись, я прошла на свое место и села, запихнув под стол ненавистную сумку.

Утро выдалось кошмарным. Я ни на чем не могла сосредоточиться. Мы проходили сложение и вычитание одночленов, и я все время ошибалась. И ужасно на себя сердилась, потому что раньше всегда справлялась с математикой. Миссис Партингтон неодобрительно поглядывала на меня своим здоровым глазом.

Когда прозвенел звонок на перемену, я на самом деле почувствовала себя больной. Нужно было успеть к автобусу, который отвезет нас в бассейн. Все стремглав бросились из класса, а я целую вечность складывала в пенал ручки и карандаши.

– Поторапливайся, Эмили, – сказала, не оборачиваясь, миссис Партингтон, вытиравшая доску. – Приятно иногда хоть что-то сделать вовремя.

– Да, миссис Партингтон, – вздохнула я и побрела из класса, волоча за собой сумку.

К автобусу я шла как сомнамбула. Мелькнула мысль: если вот так идти, то, может, класс уедет без меня? Но стоило миновать школьные ворота, как меня окликнул Филип Нортвуд:

– Эй! Подлиза! – завопил он.

Все обернулись посмотреть, кого он так назвал.

– Подлиза? С чего это вдруг?

– Брось, мы же видели, как ты выпендривалась на прошлой неделе в бассейне. Боб потом весь урок трындел, как ты замечательно плаваешь и что мы должны постараться и брать с тебя пример.

– Ага, – поддакнула Мэнди Раштон, появляясь из-за спины Филипа. – Мы все слышали. И *видели*.

Я утратила дар речи. Мэнди… видела? Что именно она видела? Нет-нет, не может быть! Хвост ведь тогда даже не успел как следует вырасти. Или успел?..

– Ничего подобного, – наконец выдавила я.

– Ну да, конечно. Воображала, – ухмыльнулась Мэнди.

– Заткнись.

И тут подошел мистер Берд, наш физрук.

– Так, ребята! Все по местам, – скомандовал он.

Я уселась одна. Джулия сидела по соседству, через проход.

– Этот Филип просто придурок, – сказала она, поставив сумку на колени. – Он тебе завидует, потому что не умеет плавать.

Я попыталась улыбнуться.

– Спасибо, Джу…

– Подвинься-ка, Джули. – Рядом с ней плюхнулась Мэнди Раштон и, осклабясь, поглядела на меня. – Или ты хотела сидеть рядом с девочкой-рыбой?

Джулия покраснела, а я отвернулась к окну. Автобус запрыгал по брусчатке. Слова Мэнди не шли у меня из головы, засели там как гвоздь. Девочка-рыба? Что она имела в виду?

Автобус въехал на стоянку.

– Ты идешь, Эми? – спросила Джулия, в то время как Мэнди вскочила и принялась проталкиваться вперед.

– Да-да, сейчас, – ответила я, делая вид, что зашнуровываю кроссовки.

Может быть, спрятаться под сиденьем, а когда все вернутся с урока, соврать, что упала в обморок или что-то в этом роде?

За окном вдруг загомонили, потом на время все стихло, затем раздался громкий стон, и гомон возобновился.

– Но, сэр, это несправедливо! – услышала я голос Филипа и осторожно выглянула в окно.

Инструктор Боб разговаривал с мистером Бердом, а класс толпился вокруг. Некоторые уже поставили сумки на землю. В следующую секунду я почувствовала, что в автобус кто-то зашел, и испуганно скорчилась на сиденье, затаив дыхание. Шаги неумолимо приближались.

– Ты все еще со шнурками возишься? – услышала я голос Джулии.

– А? – Я подняла голову.

– Чем ты тут занимаешься?

– Ничем, просто…

– Ладно, неважно. – Она уселась на сиденье. – Бассейн отменяется.

– Почему?

– Местный совет намечает увольнения, и персонал объявил забастовку. Они просто забыли сообщить в школу.

– Шутишь?

– А что, похоже?

Я посмотрела ей в лицо. Джулия действительно выглядела расстроенной. Я опустила глаза и покачала головой.

– Боже, это так несправедливо, правда? – проговорила я, стараясь не лыбиться во весь рот. – Интересно, что мы теперь будем делать?

– Именно об этом мистер Берд сейчас беседует с Бобом. Кажется, нас собираются повезти на экскурсию.

– Фу, скучища! – Я сложила руки на груди, надеясь, что выгляжу такой же огорченной, как Джулия.

Наконец автобус тронулся. Мистер Берд радостно объявил, что мы едем в Мейсфинский лес. Мэнди, сидевшая у прохода, подозрительно смотрела на меня. Я же еле сдерживалась, чтобы не вскочить и не заорать во все горло «Ура!».

Я легла рано, чтобы поспать хотя бы несколько часов перед встречей с Шоной. Путь к камням отыскался довольно легко, на сей раз я приплыла туда первой. Вскоре послышался знакомый плеск хвоста, рассыпающего радужные брызги.

– Привет! – Я помахала рукой, когда Шона вынырнула на поверхность.

– Приветик! – Она помахала в ответ. – Поплыли?

– Куда?

– Увидишь. – Шона опять нырнула, махнув хвостом и плеснув мне в лицо водой.

Мы плыли лет сто, не меньше. Шелковистая, гладкая вода напоминала тягучий, расплавленный шоколад из рекламы. Мне казалось, что я вот-вот растворюсь в ней.

Шона, легко рассекая волны, плыла впереди. Иногда оглядывалась, проверяя, не отстала ли я, и махала рукой вправо или влево. Я послушно смотрела туда и видела либо косяк крошечных рыбок, плывущих так, будто они выступали на соревнованиях по гимнастике, либо удивительные желтые водоросли, тянущиеся вверх, точно подсолнухи. Какое-то время рядом с нами держалась шеренга серых, в тонкую полоску рыб, быстрых и расчетливых, напоминающих бизнесменов в строгих костюмах.

Только когда мы наконец остановились и всплыли глотнуть воздуха, я сообразила, что все это время находилась под водой.

– Как это у меня получилось? – удивилась я, переводя дыхание.

– Что именно? – непонимающе спросила Шона.

– Мы, должно быть, проплыли целую милю, – сказала я, оглядываясь на крошечный островок вдалеке.

– Милю с четвертью, – уточнила Шона извиняющимся тоном. – Папа на прошлый день рождения подарил мне плескометр.

– Что-что подарил?

– Ой, прости, я все время забываю, что ты совсем недавно стала русалкой. Плескометр показывает, сколько ты проплыла. Вчера я как раз измерила расстояние до Радужных камней.

– Каких камней?

– Радужных. Где мы с тобой встретились.

– А, да. – Внезапно я осознала, что находилась не в своей стихии: во всех смыслах этого слова.

– Честно говоря, я опасалась, что ты не осилишь, но мне очень хотелось тебя сюда привести.

Я огляделась. Море как море, ничего особенного.

– Зачем? И ты не ответила на мой вопрос. Как мы сумели так долго продержаться под водой?

– Мы же русалки, – просто сказала Шона, пожав плечами. – Поплыли, хочу кое-что тебе показать.

С этими словами она свечкой ушла в глубину, а я последовала за ней.

Чем глубже мы погружались, тем холоднее становилась вода. В темноте блеснула рыбья чешуя. Мимо проплыла огромная серая, в черную крапинку рыбина с презрительно приоткрытым ртом. Танцевали, словно прыгая на батуте, розовые медузы.

– Смотри! – Шона указала налево.

Оттуда, словно сонное торнадо, приближался, вращаясь, огромный косяк юрких черных рыбок.

Мы опустились глубже, и меня прошиб озноб. Шона схватила меня за руку и показала вниз. Там находилось нечто, напоминающее безразмерный ковер из морских водорослей!

– Что это? – пробулькала я.

– Сейчас увидишь.

Шона потащила меня еще глубже. Вокруг заскользили водоросли, они липли к телу, обвивали хвост. Что затеяла Шона? Куда она меня ведет?

Я уже собиралась сказать, что с меня довольно, как вдруг водоросли расступились, будто мы наконец-то продрались сквозь густую чащу и попали на поляну. В центре подводного леса находилась песчаная прогалина.

– Ну и где мы? – спросила я.

– А сама как думаешь?

Я огляделась. На песке лежала широкая металлическая труба, рядом на водорослях было развешено несколько метров рыбачьих сетей, а поодаль на ржавых пружинах покачивались два древних велосипеда.

– Понятия не имею, – призналась я.

– Это же наша игровая площадка! Вообще-то, плавать сюда запрещено, но все равно все приплывают.

– Почему запрещено?

– Нельзя заплывать так далеко от дома, это опасно. Тебя могут заметить. – Шона исчезла в трубе. – Догоняй! – донесся изнутри ее голос, странным эхом разнесшийся по поляне.

Я последовала за ней, скользнув внутрь холодного металла. К тому времени, когда я выплыла из другого конца трубы, Шона уже растянулась на сети, как в гамаке. Я присоединилась к ней.

– Нравится? – спросила она, когда мы спустились вниз.

– Ага, клево.

– Клево? – недоуменно нахмурилась Шона.

– Ну, классно, прикольно…

– А-а-а! Ты хотела сказать «прибойно»?

– Вроде того. – Я еще раз оглянулась вокруг. – Откуда здесь взялись все эти вещи?

– Что-то само падает в море, что-то выбрасывают люди. Мы подбираем и приспосабливаем для себя. – Шона боком устроилась на велосипедном сиденье и принялась раскачиваться взад-вперед. – Приятно, когда есть с кем поиграть.

Я присела на другой велосипед, обвив раму хвостом.

– Ты о чем? О друзьях?

– У меня, вообще-то, есть друзья. А вот лучшей подруги нет. Все, похоже, считают меня зубрилой, неспособной стать кому-то лучшей подругой.

– Но ты ведь действительно много занимаешься. Даже плаваешь по ночам на остров, чтобы подготовиться к контрольной.

– Так и есть. Значит, ты тоже находишь меня скучной?

– Что ты! Я считаю, ты… ты просто прибойная!

Шона смущенно улыбнулась.

– Почему здесь никого нет? – поинтересовалась я. – Даже немножечко страшно.

– Эх ты, чаячьи мозги! Ночь же глубокая!

– А, ну да, правильно. – Я держалась за руль и раскачивалась, как на качелях. – Хотелось бы мне повидать других русалок, – сказала я задумчиво.

– И в чем проблема? Приплывай к нам в школу.

– Ночью? Не хочешь же ты сказать, что у вас есть ночная продленка?

– Днем приплывай. В субботу.

– В субботу?

– В субботу утром у нас есть уроки. Почему бы тебе не приплыть на этой неделе? Я всем скажу, что ты моя двоюродная сестра. Вот это будет поклевка!

– Поклевка?

– Хотела сказать «клево». Извини, перепутала.

Я задумалась. Джулия тоже пригласила меня в гости как раз в эту субботу. Можно было наврать маме, что иду к Джулии, а Джулии – что мама не отпустила. Но ведь у нас с ней только-только начала завязываться дружба. В следующий раз Джулия может и не позвать. И с кем я тогда останусь? А как же Шона? И, потом, она – русалка и хочет отвести меня в настоящую русалочью школу! Разве можно упустить такой шанс?

– Договорились, – сказала я. – Так и сделаем.

– Великолепно! А родители тебе позволят?

– Смеешься? Никто там не знает, что я – русалка.

– Никто, кроме папы и мамы, да? Ведь если ты – русалка, значит, они тоже…

– У меня нет отца.

– Ой, извини.

– Да все нормально. Считай, его и не было. Он бросил нас сразу после моего рождения.

– Акулья печенка! Это ужасно!

– А, чихать я на него хотела. Он даже не объяснился, просто однажды исчез и все. Мама до сих пор не оправилась от удара.

Шона молчала, напряженно глядя на меня.

– Ты чего?

– Говоришь, отец покинул вас, когда ты была маленькой?

– Да.

– И ты не знаешь, почему?

Я помотала головой.

– И куда он делся, тоже не знаешь?

– Нет. Не знаю и знать не хочу, после того, как он с нами поступил.

– А вдруг с ним что-нибудь случилось?

– Например?

– Например… Например, его похитили. Или он не смог вернуться. Или…

– Или он просто смылся. Скатертью дорожка.

– Но что если он…

– Шона! Я не хочу о нем говорить. У меня нет отца, ясно? И хватит об этом.

На поляну выплыл косяк длинных белых рыб и исчез в водорослях, чьи ленты мягко сомкнулись за их хвостами.

– Прости, – сказала Шона. – Так ты будешь в субботу?

– Если тебе еще этого хочется, – повернулась я к ней.

– А то! – Она соскользнула с велосипеда. – Поплыли, нам пора назад.

Мы возвращались к Радужным камням, от вопросов Шоны я совсем загрустила. Потому что сама задавала их множество раз. Почему мой отец ушел? Неужели он меня не любил? Не хотел, чтобы я рождалась? Вдруг это из-за меня он бросил маму?

Увижу ли я его когда-нибудь?

Глава 5

Помахав маме на прощание, я зашагала по пирсу.

– Пока, солнышко! Желаю хорошо провести время! – крикнула она мне вслед.

– Пока, мам! – весело ответила я, думая при этом: *«Ну же! Иди на лодку!»*.

Я шла, нескладно переставляя ноги и поминутно оглядываясь. Мама продолжала улыбаться и махать мне всякий раз, когда наши глаза встречались.

Наконец она спустилась с палубы, закрыв за собой дверь. Дойдя до конца пирса, я в последний раз обернулась, просто чтобы удостовериться, что мама там уже не стоит, и, не сворачивая к набережной, спрыгнула на берег, пробежала несколько шагов и шмыгнула под пирс. Торопливо стянула джинсы и туфли, спрятала их под камень. Купальник я надела заранее.

Было время прилива, и вода стояла высоко. Несколько человек прогуливались по пляжу, но никто из них вроде бы в мою сторону не смотрел. А вдруг все-таки заметят? Мне представилось, как они тычут пальцами и кричат: «Девочка-рыба! Живой ихтиандр!», а потом берут сети и окружают меня.

Со страху я никак не могла заставить себя войти в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.